

ВИТАЛИЙ БЕРНШТЕЙН

*В четверг
протрубит
ангел*

Виталий Бернштейн

В четверг протрубит ангел

«Автор»

1994

Бернштейн В.

В четверг протрубит ангел / В. Бернштейн — «Автор», 1994

© Бернштейн В., 1994

© Автор, 1994

Содержание

Вторник, 10 июля	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виталий Бернштейн

В четверг протрубит ангел

Вторник, 10 июля

1

Над Восточным побережьем вставала заря. Тускнели утренние звезды и фонари на улицах Вашингтона. Розовые, а за ними оранжевые краски, проступая из-за горизонта, со стороны невидимого, но близкого океана, осторожно растекались по небу. Июльский день обещал быть жарким и душным.

Тонкий писк мобильного телефона не сразу разбудил О'Браена, он грузно сел на кровати. Номер этого телефона знал дежурный на главном пульте Федерального бюро расследований. О'Браену, директору ФБР, ночью звонили только в случаях чрезвычайных. Светящиеся часы на тумбочке возле кровати показывали четверть шестого. Тряхнув головой, чтобы проснуться окончательно, О'Браен взял трубку. Звонили не из ФБР – из Белого дома. Это был Арнолд Фридмэн, помощник президента по национальной безопасности.

– Билл, дружочек, прости, что разбудил.

Фридмэн слегка шепелявил. Много лет назад, когда совсем молодыми ребятами служили они с О'Браеном в одном взводе, осколок вьетнамской мины попал Фридмэну в челюсть и что-то там нарушил в движениях губ и языка. Теперь шрам от осколка надежно прикрывала модная борода. А шепелявость осталась.

– Привет, Арни. Лучше побереги свои извинения для дома, – хриплым со сна голосом отозвался О'Браен. – Почему тебе в такую рань не спится с молодой, красивой и, главное, новой женой?

Шутка, видимо, понравилась Фридмэну, который женился в третий или четвертый раз около года назад, – он расхохотался.

– Ловлю тебя на слове, дружочек. Давай прямо на этой неделе выберем свободный вечер, пообщаемся, вспомним молодые годы и почешем языки насчет наших жен... А теперь слушай внимательно. В восемь утра нас ждет президент. Приходи в мой кабинет минут на двадцать раньше. Я тебя коротко введу в курс. Дело серьезное.

Положив трубку, О'Браен еще немного посидел на кровати, пытаясь сообразить, что за дело требует сегодня его присутствия в Овальном офисе. Он стал директором ФБР лишь полтора месяца назад и с тех пор всего пару раз виделся с президентом; встречи были короткими, формальными.

Назначение О'Браена на эту должность оказалось неожиданным для многих в вашингтонской администрации, да и для него тоже. За тридцать с лишним лет он прошел в ФБР почти все ступени карьерной лестницы и руководил Нью-Йоркским управлением, когда в Вашингтоне, у себя за рабочим столом, скончался от сердечного приступа прежний директор. В последние десятилетия возглавлять ФБР приходили обычно люди со стороны. Но нынешний президент уже столкнулся с проблемами, назначив после своего избрания некоторых политиков-непрофессионалов на должности, требующие профессиональных знаний; например, главой Пентагона была утверждена – после долгих препирательств в Сенате – представительница феминистского движения. Теперь президенту приходилось улаживать бесконечные конфликты и отвергать обвинения оппозиции в некомпетентности таких руководителей. Наверное, это и привело президента к решению – выбрать нового директора ФБР из числа его сотрудников.

О'Браен знал, что рассматривались несколько кандидатур. В обход двух заместителей прежнего директора должность досталась О'Браену – в нужный момент его назначение поддержал Фридмэн. К советам Фридмэна президент прислушивался.

Итак, расписание О'Браена на сегодня менялось. В семь тридцать он собирался лететь в Нью-Йорк. Теперь надо будет позвонить, чтобы вертолет ждал его не раньше десяти. Спать больше не хотелось. О'Браен прошлепал по коридору в ванную и сразу же услышал, как в соседней спальне заворочалась жена. Они прожили вместе полжизни. И когда бы он ни встал, жена тоже вставала, готовила завтрак, провожала его. «Старая ирландская хлопотунья, – подумал умиротворенно О'Браен. – Чего этот Фридмэн без конца меняет жен? Мне и одной до гроба хватит». Стоя под душем, он растирал еще сильными руками плечи и грудь. «А, впрочем, мы с женой уже лет пять, как спим в разных спальнях. Бычку Фридмэну такое, наверное, и в голову не приходит». И О'Браен захлопал мокрыми ладонями по толстому животу.

2

В восемь утра Дэнис уехал на работу, Таня осталась одна. В Хантер колледже, где она преподавала русскую литературу, наступили летние каникулы. В пятницу и у Дэниса начинается отпуск – на пару недель они решили сбежать из нью-йоркской жары на Кейп Код. Таня любила этот покрытый соснами и маленькими озерцами мыс, высовывавшийся в океан чуть южнее Бостона. Даже в самые раскаленные летние дни там дул морской ветерок, и было не так жарко.

Тане шел тридцать первый год, но выглядела она моложе. Невысокая, ладно сложенная. Густые черные волосы, короткая, под мальчишку, стрижка. С круглого улыбчивого лица открыто и добро глядели на мир черные глаза. Как-то после семинара по творчеству Толстого молоденький студент подошел к ней в коридоре и, покраснев, пробурчал, что глаза у нее, как у Катюши Масловой. Придя домой, Таня, смеясь, рассказала об этом Дэнису. Полистав «Воскресенье», она перевела ему те места, где Толстой упоминал Катюшины глаза: «черные, как мокрая смородина», «блестящие», «глянцевитые», «чуть косящие». Потом Таня долго изучала свое лицо в зеркале – глаза вроде бы не косили...

Таня решила посвятить сегодняшнее утро давно задуманной генеральной уборке. Их небольшой домик, в Бруклине, в нескольких кварталах от берега Ист-ривер, был куплен когда-то ее дедом-врачом, а после смерти деда перешел по наследству к Тане. Из окна Таниной спальни были видны через реку верхушки знаменитых небоскребов среднего Манхэттена: «Крайслер», «Эмпайр Стейт», «Пэн Эм», «Сити Бэнк». У самого берега Ист-ривер лучился на солнце стеклянный прямоугольник ООН.

Таня вымыла и натерла до блеска окна, пропылесосила ковры и все укромные закоулки под кроватью, тумбочками, диваном, где могла скопиться пыль. На кухне прошла мыльной шваброй по линолеуму, натерла порошком раковину для мытья посуды, стенки электрической плиты и холодильника. Довольная, огляделась вокруг, вытерла вспотевший лоб тыльной стороной маленькой, но сильной кисти. Хотела, было, приняться за сборы к предстоящей поездке. Но передумала – лучше повременить, вечером придет Дэнис и скажет, что для него брать на Кейп Код. Она не любила сидеть без дела. Может, заняться стиркой? Нет, все было постирано, поглажено и разложено по полкам еще два дня назад. Грядки с помидорами – в крошечном дворике за домом – уже политы. И тут Таня вспомнила про кладовку.

Четыре года назад, когда не стало деда, у нее не поднялась рука выбросить что-либо из его одежды или бумаг, заполнявших ящики письменного стола. Все вещи деда Таня отнесла тогда в кладовку. И вот теперь надо было все-таки разобраться. Она недавно сообразила – его одежду можно отдать в «Армию спасения», кому-нибудь да пригодится. Дед, наверное, согласился бы с этим. Эмигрант из России, он был бережлив и не одобрял американцев, обращавших

в мусор горы вещей, которые перестали быть им нужными. Таня, улыбнувшись, вспомнила: когда сломалась старая швабра, которой мыли пол, дед палку не выбросил, сберег, а летом приспособил в огороде, чтобы поддерживала тяжелый куст с помидорами. Читая воспоминания о Толстом, Таня высмотрела у того сходную черту. Граф, наподобие справных деревенских мужиков, берег все, что могло еще послужить. Получив письмо, где часть листа была чистой, он отрывал ее и использовал потом для черновика.

Таня открыла скрипучую дверь кладовки, включила там свет. В углу кладовки, прикрытая от пыли прозрачной пленкой, висела на плечиках одежда деда. Повлажневшие глаза Тани остановились на знакомых фланелевых рубашках, которые тот любил носить дома. А вот старые выцветшие джинсы – в них он обычно возился во дворе; на потертых коленках топорщились неуклюже пришитые заплаты. Таня вдруг вспомнила – это же она их поставила. Одев тогда джинсы, дед внимательно осмотрел заплаты, пожевал губами, молча погладил ее по плечу и пошел поливать грядки во дворе...

Давным-давно, когда Танина мама была еще маленькой, дед и бабушка разошлись. Дед больше не женился, жил бобылем, по воскресеньям забирал дочку к себе, гулял с нею, катался на лыжах. А потом, когда дочка выросла и поступила в институт, взял да эмигрировал в Америку. Все это Таня знала смутно, по рассказам мамы. Американский родственник оказался весьма кстати через пятнадцать лет, когда экономика в посткоммунистической России развалилась и Танины родители решили тоже эмигрировать. Дед прислал им вызов, встретил, помог на первых порах. Танин отец, специалист по компьютерам, быстро нашел работу в отделении одной из страховых компаний в Миннесоте, куда и переехала их семья. Там, в провинциальном тихом городке, Таня окончила через несколько лет школу и надумала продолжить образование в каком-нибудь большом университете. Родители были не в восторге от ее планов начать самостоятельную жизнь. Но, в конце концов, отпустили в Нью-Йорк, под надзор деда.

А надзора никакого и не было. Дед ей доверял и почти не делал замечаний, даже если она, молоденькая студентка, гуляла иногда с друзьями допоздна. Но и спать в такой вечер не ложился, сидел за кухонным столом, записывал что-то в свои тетрадки, поглядывал на часы. Он знал, что у Тани всегда есть надежные провожатые – или на машине подвезут, или от автобусной остановки проводят до дверей дома. И все-таки беспокоился. Поэтому, если запаздывала, она обязательно звонила: «Дедуля, я уже еду».

Таня вздохнула, отвлеклась от воспоминаний и поискала глазами саквояж деда. Вот он на полу, черный, пузатенький. Дед брал его с собой, когда навещал пациентов, укладывал в него стетоскоп, другие врачебные инструменты. В саквояж Таня и переложила бумаги деда: потрепанные тетрадки, прихваченные скрепками отдельные исписанные листки. Таня ценила деликатность деда, он не докучал вопросами о ее личных делах – знал, если найдет нужным, сама расскажет. И Таня отвечала тем же. Она никогда не заглядывала в эти тетрадки, даже если дед оставлял их по рассеянности на кухонном столе. После его смерти тоже было не до того...

Достав из саквояжа верхнюю тетрадку, она подошла ближе к лампочке. Таня сразу узнала почерк деда – буквы крупные, неуклюжие, но разборчивые. Записи были фрагментарными, перескакивали с одного предмета на другой, так пишет человек сам для себя.

3

Из тетрадок деда.

* * *

Завидую тем, кто верует. У самого – не получается. Наверное, потому, что веровать следует сердцем, не рассуждая. А мне все надо и умом постичь. Ньютон когда-то сказал, что

движение планет по орбитам удастся объяснить, не прибегая к допущению о существовании Бога, но без такого допущения остается непонятным, кто сделал первый толчок. Что ж, возможно, это Он создал сей мир и «втолкнул» в него человека. Но боюсь, ныне Он в дела человеческие не вмешивается, только горестно наблюдает. А быть может, и не наблюдает, давно повернулся спиной и занят чем-то другим. Человеку в отличие от животных, почти целиком запрограммированных инстинктами, дана свобода выбора, человек сам прокладывает свою орбиту, с него и весь спрос.

** * **

Чем старше становлюсь, тем больше обступают воспоминания. Вот самое раннее. Я на руках у мамы – вижу себя в полутемной комнате, как бы со стороны, сверху. Мама дает мне грудь и сразу же забирает. Чувства недоумения, несправедливости, обиды охватывают меня, и я реву. Лет сорок спустя я рассказал об этом маме. «Неужели помнишь?.. Я хотела закончить грудное кормление в июле, когда тебе исполнился год, но соседка отсоветовала, мол, в летнюю жару это рискованно, могут приключиться поносы. Молока у меня было много, вот и кормила для верности до сентября. А где-то еще месяца через два меня, дуреху молодую, одолело любопытство – помнишь ли ты грудь. Дала ее тебе, ты набросился с такой жадностью, я испугалась, сразу же отняла. И ты заплакал – да так горько. Значит, был тебе тогда годик и четыре месяца».

** * **

По самому определению Гомо сапиенс выделен из мира животных – наличием разума. Но, думаю, старик Линней с этим термином, «Человек разумный», поторопился. Сравнение животных и человека – так часто не в пользу последнего. Волк, например, убивает лишь существа, не принадлежащие к собственному виду, да и то, когда голоден. А человек с момента появления на земле шагает по трупам себе подобных. И примитивные убийства вследствие голода случаются среди людей много реже, чем, скажем, убийства во имя власти, или какой-нибудь фанатичной идеи, или вследствие злобы, зависти, или просто от скуки. Кажется, за прошедшие тысячелетия все изучено в Книге книг – Библии. Но никто еще не удосужился подсчитать на ее страницах общее число убитых. Уже в самом начале Каин убивает брата своего Авеля. И пошло, и поехало... А вот пример из истории ацтеков, населявших Мексику и покоренных Кортесом в шестнадцатом веке. Они отличались большими познаниями в медицине и астрономии, оставили после себя скульптуры, настенную мозаику, архитектурные памятники. Но эта богатая культура сочеталась у ацтеков с ритуальными убийствами, когда они варили разрубленные на куски тела людей с маисовой похлебкой и съедали во время оргий коллективного каннибализма. Кто они – неужели Гомо сапиенс? Не правильнее ли тут использовать иной термин – Гомо инсанус, «Человек безумный»?

** * **

В пять лет я заболел корью, которая осложнилась воспалением среднего уха. Высокая температура, бред, состояние критическое, антибиотиков тогда и в помине не было. В очередной раз вывалившись из бреда, увидел возле кровати папу. Уж не знаю почему – наверное, заметив отчаянье в его глазах – я задал совсем не детский вопрос: «Папа, я умру?» Помню, при этом я не испытывал никакого страха, спрашивал как будто о постороннем. Папа издал носом нечленораздельный звук, вроде как хрюкнул, и выбежал в соседнюю ком-

нату. Неверующий, там он молился и плакал. Он дал самый трудный для себя обет – бросить курить, только бы я поправился. К вечеру температура упала, началось выздоровление. А папа, потерпев несколько дней, не выдержал и опять взялся за папиросы.

** * **

Читаешь газеты, смотришь телевизор – и диву даешься. В Нью-Йорке полицейские обнаружили в уличном баке для мусора грудного ребенка с пробитым черепом и сломанной ножкой; он громко плакал по ночам – родители-наркоманы выбросили его. В столице Алжира у стены школы взорвалась мощная бомба, четыре подростка погибли, еще девятнадцать получили ранения; у исламских террористов, организовавших взрыв, не было никаких претензий к школьникам – просто захотелось в очередной раз напомнить о себе. В славной российской армии четверо бывалых солдат изнасиловали зеленого новобранца, а потом все вместе на него помочились. Как назвать подобных людей? Животными? Но животные так не делают. Нет, это опять наш знакомец – подвид Гомо инсанус.

** * **

Еще раз я ощутил смерть рядом в семь лет. Мы жили тогда в Омске. В жаркий летний день папа, мама и я поехали на берег Иртыша. Папа сразу же уплыл, мама улеглась на песочке загорать. А я плавать не умел, бродил вдоль кромки воды и пытался руководить папой. Я крикнул, чтобы он плыл обратно, но папа был далеко и меня не слышал. Тогда я зашел в воду по колено и крикнул снова, затем крикнул, зайдя в воду по пояс, затем – по плечи. И вдруг сильное течение подхватило меня. Я успел повернуть голову к берегу, крикнул: «Мама, тонущу!» – и ушел под воду. Какое-то мгновенное подсознательное чувство высветило единственный шанс на спасение. Маленький дурачок, я не барахтался, а стоял на носках, вытянув над водой руки. Из-под ног вымывало песок, руки быстро погружались, потом остались торчать одни ладошки. Казалось, прошла вечность, нестерпимо хотелось вдохнуть. Но мама успела добежать – ухватив за ладошки, рванула меня вверх, к солнцу. Еще раз она подарила мне жизнь. Долго сидел я на берегу, не шевелясь, оглушенный и испуганный.

** * **

В отличие от Ньютона современная астрофизика объясняет «первый толчок», приведший мир в движение, без ссылки на Бога. Так называемое «красное смещение» в спектрах галактик свидетельствует, что они с огромной скоростью разлетаются в разные стороны. Если проложить их траектории в обратном направлении, окажется, что примерно тринадцать миллиардов лет назад вся масса галактик была сконцентрирована в одной точке пространства. Гравитационное поле все более спрессовывало эту огромную массу, немислимо повышая ее температуру. В конечном итоге произошел «Большой взрыв». По некоторым представлениям, скорость разлетающихся ныне галактик будет постепенно убывать, а потом под действием гравитации начнется их обратное сближение. И когда они опять сольются, предельное сжатие их массы вызовет новый «Большой взрыв». Такова поразжающая воображение масштабами теория «пульсирующей Вселенной». Но нетрудно заметить, что эта теория описывает не всю Вселенную – лишь ее часть, поддающуюся наблюдению с помощью современной аппаратуры. А что дальше, за пределами этого пульсирующего комка галактик? Только ли бездонная черная пустота? Или иные миры и иные формы развития неживой и живой материи? И сокрыт ли во всем этом некий высший смысл? И если Бог, действительно, повеле-

вает мирозданием, снисходит ли он до того, чтобы слышать каждого человека? Не людская ли гордыня придумала это? Ведь в беспредельном пространстве, Его пространстве, Земля выглядит мельчайшей пылинкой. Заинтересует ли наблюдателя индивидуальная судьба каждого из миллиардов вирусов, с трудом различимых даже в самый сильный микроскоп? Вопросы, вечные вопросы без ответа...

4

Дежурный офицер вошел в спальню президента в три двадцать пять утра. Последние пять дней президент провел в разъездах, ежедневно выступая в разных штатах на предвыборных митингах, банкетах, – в ноябре ему предстояло переизбираться на второй срок. Только вчера вечером он вернулся в Вашингтон. Усталый старик с приоткрытым ртом и вынутыми зубными протезами спал, по-детски положив щеку на ладошку. Офицер осторожно прикоснулся к его плечу – президент сразу открыл глаза, бросил на вошедшего быстрый взгляд.

– Звонок из Пентагона, сэр. Министру обороны нужно срочно переговорить с вами.

Президент взял трубку специальной линии связи. Махнул рукой, показывая, что офицер может идти.

– У нас чрезвычайное происшествие, сэр, – отрывисто прозвучал низкий женский голос. – Этой ночью с нашего склада в Медвежьих горах, что под Нью-Йорком, похищена бомба... Водородная. Военная контрразведка приступила к расследованию. К счастью, бомба – без спускового устройства. Такие устройства хранятся отдельно, на другом складе.

Президент облегченно перевел дыхание, после короткой паузы спросил:

– Нужна вам сейчас помощь других ведомств?

– Не думаю, сэр. Надеюсь, справимся сами. Чем больше участников, тем вероятнее утечка информации. На самом деле, похищенная бомба – это просто металлическая емкость, заполненная в основном смесью двух изотопов водорода. Без спускового устройства бомба не может взорваться. Но тем не менее, если такая информация попадет в газеты, вы представляете, с какими заголовками они выйдут. В Нью-Йорке может разразиться паника.

«Разумное рассуждение, – подумал президент, – за четыре месяца до выборов такая сенсация дополнительных голосов не принесет».

– Что ж, под вашу полную ответственность. Примите все меры к розыску. Я сейчас переговорю с Фридмэном. Он будет в своем кабинете – сразу же звоните ему, если выяснится что-либо новое. А в восемь жду вас с подробным докладом.

Потом президент позвонил Фридмэну, коротко сообщил о случившемся, попросил немедленно приехать в свой кабинет в Белом доме. Его и О'Браена он тоже хотел видеть у себя в Овальном офисе в восемь утра.

Остаток ночи президент спал плохо, донимала отрывка. Наверное, больше, чем следовало, съел на вчерашнем банкете, где собирались деньги в фонд его избирательной кампании. Сквозь полусон в голову лезли мысли об этой кампании, потом о проклятой бомбе, потом опять о кампании. В семь утра он поднялся. Как обычно, заставил себя пробежаться трусцой вокруг Белого дома. В душе он этого терпеть не мог. Но по утрам возле Белого дома дежурили телеоператоры, фотокорреспонденты. Было важно лишний раз показаться на экране – президент, сохраняющий такую отличную физическую форму, президент, которого поддерживает народ.

Без пяти восемь он уже входил в приемную перед Овальным офисом. Секретарша была на месте. Он спросил ее о самочувствии мужа, которому недавно сделали какую-то там операцию. Это было его правило – проявлять дружеское внимание к подчиненным. Не вслушиваясь в ответ, президент открыл дверь Овального офиса и уже на пороге распорядился:

– В восемь придут Лентини, Фридмэн и О'Браен. Пока не закончим, никого со мной не соединять.

Карла Лентини стала министром обороны три с половиной года назад, после победы Демократической партии на президентских выборах. Это был звездный час феминистского движения и не только его. Ликовали также сторонники и сторонницы однополрой любви: «их» человек возглавил Пентагон. Надо отдать должное – Лентини быстро разобралась в рычагах управления военным ведомством и крепко держала их в своих руках. Некоторые генералы, чьи старомодные взгляды не соответствовали прогрессивным понятиям наступившего двадцать первого века, демонстративно подали в отставку. Но им без труда нашлась замена.

Широкой мужской походкой Лентини вошла в Овальный офис, где возле круглого столика уже рассаживались президент, Фридмэн и О'Браен. Президент предложил кофе, одарив каждого улыбкой и показав белоснежные зубы. Потом кивнул министру – можно начинать.

– Вот основная информация по состоянию на семь тридцать утра. Склад водородных бомб расположен в глубоком горном тоннеле возле Вест Пойнта, штат Нью-Йорк. Караул из двух человек заступил вчера на ночное дежурство в одиннадцать вечера. В одиннадцать двадцать начальник караула сержант Кори позвонил в Нью-Йорк, на центральный пульт, и поинтересовался расписанием своих дежурств на следующей неделе – хотел знать, будет ли у него возможность пойти на бейсбольный матч. Оператор на центральном пульте ответил, что расписания на следующую неделю пока нет. Где-то часа через полтора он случайно заметил это расписание, припиленное к стенке, и сам позвонил на склад. Но никто не снял трубку. Оператор решил, что караул обходит территорию, и позвонил через пятнадцать минут – опять без ответа. Все лампочки на пульте горели нормально: никаких отклонений температурного режима, никаких сигналов, что дверь в одну из камер, где хранятся бомбы, открывали. Тем не менее молчание караула показалось необычным, и оператор доложил по инстанции. Поднятая по тревоге группа военной контрразведки в час двадцать пять утра была доставлена вертолетом на территорию склада.

Лентини сделала паузу, отхлебнула кофе из стоявшей перед ней чашечки. После бессонной ночи под ее глазами легли тени. Широкие скулы, крепкий подбородок, надменный взгляд – ее лицо, которое нельзя было назвать заурядным, привлекало внутренней силой.

– Оба охранника лежали во дворе, убитые выстрелами в спину. Всего вероятнее, на них напали внезапно, сзади, когда они обходили территорию. Внутри склада одна из камер была открыта и пуста. Оказалось, что с помощью специального подъемника, используемого на складе, бомбу из этой камеры вывезли наружу и перегрузили на один из армейских автофургонов, стоявших во дворе. Следы фургона вели через открытые ворота и терялись на проходящем рядом Шестом шоссе, которое через четыре мили соединяется со скоростной дорогой Пэлисейд. Действительно, проезжавший там полицейский видел фургон армейского типа около полпервого ночи – фургон сворачивал с Шестого шоссе на скоростную дорогу Пэлисейд, в сторону Нью-Йорка. Если это был тот самый фургон, значит, он покинул склад где-то в двенадцать двадцать пять. В час пятьдесят весь этот район был взят под наблюдение, в воздух подняты вертолеты, оснащенные приборами ночного видения, на главных шоссе появились машины с сотрудниками контрразведки в штатском. Но, боюсь, еще до того фургон имел достаточно времени, чтобы проскользнуть на левый берег Гудзона и раствориться в ночном Нью-Йорке. Работник, который взимал плату за проезд по мосту Вашингтона, видел похожий фургон, переезжавший ночью в Манхеттен. Точного времени не помнит... Следственная группа на складе занята сейчас поиском возможных улик, трупы направлены на вскрытие, извлеченные пули будут подвергнуты баллистической экспертизе. Вот пока все.

Президент молчал. Фридмэн знал его манеру – при обсуждении важного вопроса поначалу не вмешиваться, дать другим высказаться без оглядки на то, что думает он сам.

– Я хотел бы уточнить некоторые детали, Карла, – сказал Фридмэн. – Какова мощность бомбы?

– Ее тротиловый эквивалент – двадцать мегатонн, – ответила Лентини; заметив недоуменный взгляд президента, пояснила: – Взрыв атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, был эквивалентен примерно тринадцати килотоннам тротила. Похищенная этой ночью – в полторы тысячи раз мощнее.

– И если, не дай Бог, она взорвется в Нью-Йорке, каковы будут последствия? – спросил Фридмэн.

Лентини раскрыла папку, которая лежала перед ней, нашла нужный листок.

– Тут мне подготовили некоторые выкладки. Бомба такой мощности за счет ударной волны сравняет с землей все постройки в радиусе около пятнадцати миль, а за счет теплового и радиоактивного воздействия уничтожит все живое в радиусе восьмидесяти миль.

– Если мы опишем круг радиусом восемьдесят миль с центром в Манхеттене, внутри окажется практически весь Лонг Айленд на востоке, около трети штата Коннектикут на севере и почти весь штат Нью-Джерси на западе и на юге, – Фридмэн зябко повел плечами.

– Ваши опасения несколько преувеличены, – холодно возразила Лентини. – Как я уже докладывала этой ночью президенту, бомба – без спускового устройства и практически безвредна. Такие устройства хранятся на другом складе. На всякий случай я приказала усилить там охрану.

– А без этого устройства взорвать бомбу никак нельзя? – не отступался Фридмэн.

Лентини порылась в папке, достала еще листок.

– В основе действия бомбы – синтез гелия из водородных изотопов: дейтерия и трития. Синтез может идти только при необычайно высокой температуре, примерно такой, как в центре Солнца. Чтобы обеспечить такую температуру, внутри бомбы в качестве «запала» используют миниатюрную атомную бомбу с минимально необходимым количеством плутония. Так вот, функция спускового устройства, о котором мы говорим, – это мгновенное сжатие плутония до объема, при котором начинается цепная реакция.

Лентини подняла голову от листка.

– Как мне объяснили, можно смастерить что-то вроде спускового устройства кустарным способом. Но для этого нужно инженерное образование, детальное знание конструкции бомбы, наличие кое-каких технических узлов... Не думаю, что бомба похищена с целью взорвать ее на американской территории. Вы читаете, как и я, обзоры ЦРУ. Некоторые исламские страны делают сейчас все возможное, чтобы обзавестись ядерным оружием в качестве козырной карты в борьбе с Израилем, с Соединенными Штатами да и друг с другом тоже. Полагаю, похитители попытаются вывезти бомбу из страны. Единственная помощь, о которой я теперь прошу, – это усилить таможенный контроль, особенно в нью-йоркском морском порту, а также охрану сухопутных и морских границ... Бомба имеет яйцеобразную форму, длиной около шести футов и около четырех с половиной в поперечнике. О любом подобном предмете, задержанном при попытке похитителей нелегально пересечь границу, Пентагон должен знать немедленно.

Фридмэн делал короткие пометки в блокноте. Президент продолжал молчать, постукивая пальцами по столу.

– У меня есть пара вопросов, – нарушил молчание О'Браен.

Лентини нехотя повернула голову. Ее раздражало присутствие здесь этого нового директора ФБР. Конечно, президент волен приглашать к себе, кого ему заблагорассудится. Но Пентагон, разыскивая свою бомбу, не нуждается в помощи этих «шерлок-холмсов».

– Первый вопрос. Два охранника – это обычный состав караула на таком важном объекте?

Лентини повернула глаза в сторону президента.

– Вот видите, сэр. Пентагон всегда обвиняли в раздувании штатов, а теперь, напротив, мы виноваты в недокомплекте... Да, это обычный состав караула. В первую и вторую смены на

складе работает также несколько техников, регулярно проверяющих состояние бомб и всего оборудования. А на ночь мы считаем возможным оставлять только двух охранников. Но если мистер О'Браен помнит мое предыдущее объяснение, склад дополнительно находится под непрерывным контролем с центрального пульта в Нью-Йорке. Территория обнесена высокой бетонной стеной с колючей проволокой поверху. Каждую ночь во двор выпускаются сторожевые собаки.

– Собаки? – быстро переспросил О'Браен. – А что с ними стало?

– Члены общества по защите животных могут не волноваться, с собаками ничего не случилось.

– Рад это слышать, – задумчиво отозвался О'Браен. – И еще вопрос. Ваши контрразведчики обнаружили дверь в камеру, где хранилась бомба, распахнутой. А вот лампочка на центральном пульте, как вы сказали, все это время сигнализировала, что дверь закрыта.

– Я не очень-то разбираюсь в технических деталях, – ответила Лентини. – Как мне объяснили, лампочка на центральном пульте горит нормально, если ее цепь замкнута через систему фотоэлементов, расположенных возле двери в камеру. Открытая дверь перекрывает свет, падающий на фотоэлементы, их сопротивление резко возрастает, на пульте включается сигнал тревоги. Так вот, похитители сначала соединили накоротко провода, замыкаемые фотоэлементами. И электрический ток пошел в обход, не завися теперь от того, закрыта или открыта дверь.

– Мне кажется, факты, приведенные вами, позволяют уже сейчас сделать один существенный вывод, – сказал О'Браен. Президент и Фридмэн внимательно слушали его. Лентини, наклонив голову, укладывала листки в папку.

– У нас две временные точки: в одиннадцать двадцать, когда звонил сержант Кори, на складе все было в порядке. А в двенадцать двадцать пять ночи, согласно расчетам, фургон с бомбой уже выезжал с территории склада. Таким образом, вся операция была организована великолепно и заняла не более часа. Надо иметь навык, чтобы так быстро разобраться в проводах, закоротить те, что идут к фотоэлементам, ознакомиться с работой подъемника, въехать на нем в камеру, погрузить бомбу, поднять по тоннелю на поверхность, вывезти во двор, перегрузить в фургон... Думаю, среди похитителей был кто-то из работающих на складе.

– Возможно, но вовсе не обязательно, – возразила Лентини. – А почему бы не допустить, что похитители, заблаговременно и тщательно готовясь к операции, получили по кусочкам все необходимые сведения от какого-нибудь болтуна, работающего на складе, но к самому похищению не причастного?

– Вы забыли о собаках, – терпеливо пояснил О'Браен. – Собаки невинны и, следовательно, не мешали. Не мешали, потому что знали кого-то из похитителей. Кстати, когда охранники вышли для обхода территории, этот человек уже поджидал их, чтобы прикончить выстрелами в спину, а собаки не лаяли.

– Пожалуй, звучит убедительно, – признала Лентини. – Мы, конечно же, собираемся проверить всех работающих на складе и их контакты.

– Итак, Карла, если я понял вас правильно, – вступил в разговор президент, – вы хотели бы сосредоточить розыскную работу в руках военной контрразведки?

– Именно так. Вы знаете, что за последние годы она не раз демонстрировала свою высокую эффективность.

– Любая розыскная работа на территории страны, осуществляемая в обход ФБР, без использования накопленного нами опыта и налаженных каналов информации, явно будет менее успешной. – О'Браен повернулся к президенту. – Если вы отстраняете ФБР от этого дела, наш престиж не пострадает. А дело пострадать может.

– Я этого не сказал, Билл, – примирительно ответил президент. – Но мне надо четко знать, с кого главный спрос. И сейчас мы договорились – за это дело отвечает Министерство обороны и лично его руководитель. Что касается ФБР, то, конечно же, любая информация о бомбе,

полученная по вашим каналам, будет чрезвычайно важна. Но я ставлю одно жесткое условие – никакие сведения о случившемся не должны просочиться наружу... Карла, надо приложить все усилия и найти бомбу как можно быстрее. Потом мы подыщем подходящие выражения, чтобы проинформировать прессу.

Президент сделал паузу, улыбнулся каким-то своим мыслям, повернул голову к Фридмэну.

– Арни, берите блокнот и записывайте. Первое. Операция получает кодовое название. Скажем, «Анджелина». – Фридмэн на мгновение оторвался от блокнота, бросил взгляд на президента. – Второе. Вы, Арни, немедленно подготовьте мое распоряжение о том, чтобы предельно усилить контроль на таможенных пунктах и охрану границ. Третье. Пусть ЦРУ предоставит вам, Арни, подробный анализ касательно всех террористических организаций и террористических государств, пытающихся обзавестись ядерным оружием. Четвертое. Все новые сведения, имеющие отношение к «Анджелине», вы, Карла и Билл, немедленно сообщайте Фридмэну. Мы с ним видимся по несколько раз на день, он будет держать меня в курсе. Пятое. Если нужна любая помощь, вы оба можете обращаться к Фридмэну, и он обеспечит это от моего имени.

Президент встал, совещание закончилось.

6

О'Браен собирался в Нью-Йорк, чтобы встретиться сегодня с Роджерсом, своим преемником по Нью-Йоркскому управлению ФБР. Того перевели из Майами только неделю назад, надо было на месте обсудить с ним основные задачи управления. И еще одно дело добавилось теперь – где-то в Нью-Йорке, по всей видимости, затаилась «Анджелина». Президент поручил розыскную работу военной контрразведке. Но и ФБР не возбраняется вести параллельный поиск. Что ж, так даже спокойнее – за возможные ошибки отвечать Пентагону. А вот если его ребята сумеют первыми выйти на след и утереть нос этой мадам Лентини, О'Браен будет очень доволен.

Перед вылетом он позвонил Роджерсу, извинился за опоздание, сказал, что по приезде прежде всего хочет видеть Дэниса Пирсона. Он знал Дэниса уже лет пятнадцать. Тот участвовал под началом О'Браена во многих операциях, а потом и сам стал возглавлять следственные группы. С годами из него получился отличный оперативный работник. О'Браен ценил умение Дэниса мыслить логически, принимать решения, просчитывая ситуацию на несколько ходов вперед, как в шахматной партии.

Дэнис уже ждал его в приемной Роджерса. О'Браен заглянул на минуту к тому в кабинет и пообещал засесть с ним за все дела управления через час. А потом заперся с Дэнисом в его кабинетике, чтобы спокойно поговорить с глазу на глаз.

Дэнису было сорок два года. Светловолосый, худощавый, выше среднего роста, с виду флегматичный.

– Ну, как живешь, амиго? – спросил, улыбнувшись, О'Браен. Словечко это прилепилось к Дэнису после давней операции по разгрому подпольного картеля, переправлявшего в США колумбийские наркотики. Дэнис играл тогда роль оптового перекупщика, несколько раз встречался с заправками картеля на их явках в Мексике. Если бы заподозрили, не сносить головы. Но обошлось.

– Живу неплохо, шеф. В пятницу собираюсь в отпуск.

– Боюсь, с отпуском придется повременить. Уж извини. Ты мне нужен...

О'Браен рассказал Дэнису о похищенной бомбе. Старался не упустить ни одной детали из того, что услышал сегодня утром в Овальном офисе. В их деле даже самая, казалось бы, пустяковая деталь становится иногда решающей.

– Основную розыскную работу ведет военная контрразведка, нас к этому делу им пускать не хочется. На взаимодействие или на обмен информацией не рассчитывай. На складе, где это произошло, они собираются все обследовать сами. Понимаю, амиго, что твои возможности будут ограничены, и отпускаю в свободное плавание. Сам прикинь, за какие ниточки потянуть. Мне лично кажется, что похищение не обошлось без кого-то, кто работает на складе. И помни: дальше тебя все, что я рассказал, не идет. Понял?

– Понял, как не понять.

– Даже своим ребятам, если возьмешь на подмогу, поясни, что разыскиваете какую-нибудь железяку, похищенную с военного склада, ну, например, миномет. Роджерсу я просто скажу, что ты откомандировываешься в мое распоряжение для одного крайне важного дела. В случае нужды не стесняйся, звони прямо мне, днем или ночью. Запиши номер моего личного мобильного телефона... А это – номер факс-машины Фридмэна, помощника президента по национальной безопасности. Если понадобится ордер Министерства юстиции на арест, прослушивание и тому подобное, посылай свой запрос прямо ему. Так это будет сделано быстрее, да и объяснений никаких от тебя не потребуется. Используй кодовое название операции – «Анджелина».

О'Браен помолчал, посмотрел на часы.

– Пожалуйста, передай мои извинения жене за то, что поломал ваш отпуск... Как вы там детишками не обзавелись? – Дэнис отрицательно мотнул головой. – Значит, плохо стараешься – уже три года прошло, как мы с супругой были на вашем бракосочетании. Нам твоя жена очень понравилась – такой милый человек.

7

Дэнис нашел Пита Дюваля в комнате младших агентов. Тот поднялся навстречу во весь свой внушительный рост, шесть футов с четвертью. На черном круглом лице расплылись в улыбке толстые губы. Пит стал работать в ФБР недавно, два года назад, и Дэнис покровительствовал ему, как когда-то О'Браен покровительствовал новичку Дэнису. Семья Пита перебралась из Гаити в США, когда тот был подростком. Родной язык – французский, но и по-английски говорит практически без акцента. Окончил колледж. Толковый, трудолюбивый, надежный в критических ситуациях.

– Пойдем ко мне, – сказал Дэнис, – есть дело.

Едва они вошли в его маленький кабинетик с картой штата Нью-Йорк во всю стену – зазвонил телефон. Дэнис нажал кнопку. Из динамика раздалась скороговорка длинноногой красотишки Ширли, секретарши Роджерса.

– Дэнис, звоню по поручению шефа. Две новости: плохая и хорошая. Плохая – ваш отпуск отменяется. Хорошая – вас освобождают от всех текущих дел. Вы переходите в распоряжение центра. Всем службам Нью-Йоркского управления приказано выполнять ваши запросы вне очереди, немедленно... Мой бедненький, пропала ваша поездка на Кейп Код?

– Куда денешься, моя дорогая, против начальства не попрешь, – в тон ей ответил Дэнис. Он замечал, что Ширли более чем приятельски поглядывает на него, поддерживал установившуюся в их разговорах чуть легкомысленную интонацию, но определенной черты не переступал. Несколько лет назад он наверняка приволокнулся бы за такой красоткой. Но после того, как в его жизнь вошла Таня...

– Ну что, слышал новости? – повернулся он к Питу. – Садись, я тебе сначала расскажу коротко об этом деле, а потом будем думать, с какого конца к нему подступиться. Значит, так... Сегодня ночью с военного склада похитили миномет. Это в Медвежьих горах. Помнится, я не раз проезжал мимо.

Дэнис подошел к карте штата и повел пальцем вверх от Нью-Йорка, вдоль правого берега Гудзона.

– Вот смотри. Тут скоростная дорога Пэлисейд. Левее, тоже с юга на север, идет Восемьдесят седьмая автострада. А между ними, пониже Вест Пойнта, – перемычка, двухрядное Шестое шоссе. Возле шоссе, чуть в лесочке, и расположен этот склад. Похищенный миномет вывезли в армейском же фургоне. А обоих охранников убили. Есть некоторые основания подозревать в причастности к этому кого-то из работающих на складе. Но вся заковыка в том, что военные, оберегая честь мундира, намерены вести расследование самостоятельно, на склад нас не пускают и никакой информацией делиться не хотят. Тут бы и сказать им – ну, и разыскивайте свою железяку сами, а мы пойдем в заслуженный отпуск. Так?

– Так, – улыбнулся Пит.

– Но на сцене появляется наше высокое начальство. Оно, видишь ли, жаждет обскать Пентагон. И кому поручают это мертвое дело? Конечно же, нам с тобой. Два года назад ты закончил колледж, сдавал экзамен по криминалистике – вот и скажи, как там твои учебники рекомендуют приступать к подобному расследованию?

Пит задумчиво поскреб голову, покрытую жесткими, курчавыми волосами.

– Ну, сперва выезжают на место происшествия, ищут вещественные улики.

– Но на склад-то нас не пускают.

– Тогда хотя бы надо осмотреть район вокруг.

– И что же ты там рассчитываешь найти? Оброненный носовой платок?

– Скорее всего, похитители подъехали к складу на своей машине. Вдруг они ее потом бросили и укатили на фургоне?

– Вряд ли. Один из них по завершении операции просто уехал в этой машине.

– Но почему мы говорим о похитителях во множественном числе? А если это был одиночка?

– Одному обернуться со всем за час было бы трудновато. Но утверждать наверняка не могу. Мы отработаем и эту версию.

– Значит, едем на место происшествия? – спросил Пит.

– Торопись. Для начала просто позвони в полицию штата. Про миномет упоминать ни к чему. Пусть они запросят свою патрульную службу, нет ли в том районе какой-нибудь брошенной машины. Тогда и поедем... Действуй.

Пока Пит названивал по телефону, Дэнис подошел к окну. С высоты двадцать шестого этажа открывалась панорама нижнего Манхеттена. Были видны букашки-пешеходы. Игрушечные автомобильчики, моргая лампочкой левого поворота, взбегали на Бруклинский мост... Конечно, О'Браен прав: надо искать концы среди работающих на складе. Заиметь бы их полный список, адреса, телефоны, допросить, проверить контакты каждого, покопаться в прошлом – глядишь, ниточка и вылезла. Но никакого списка нет и не будет. Как же подступиться?

– Готово, – бодро отрапортовал Пит. – В полицейском управлении пообещали осмотреть Шестое шоссе в районе склада – нет ли где брошенной машины. Потом сразу позвонят.

– Ладно. Теперь дай-ка и мне телефон.

Дэнис набрал номер их технического отдела. Ответила Пэги Мартинес, старая одышливая дама, живая история их Нью-Йоркского управления. Как-то, мимоходом она сказала Дэнису, что помнит еще молодого О'Браена в самом начале его карьеры – «застенчивый был такой, худенький паренек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.